

Запрещение «Современника». Некрасов у кормила «Отечественных записок». Состав редакции и сотрудников этого журнала. Лирика Некрасова в годы «Отечественных записок». Литературно-эстетические принципы этих лет. «Элегия», «Поэту»

Через полтора года после запрещения «Современника» журнальная деятельность Некрасова возобновилась. Ему удалось договориться с собственником одного из самых старых петербургских журналов — «Отечественных записок» — А. А. Краевским о передаче редакции этого журнала в его руки.

В редакцию «Отечественных записок», кроме Некрасова, вошел сначала Г. З. Елисеев, а несколькими месяцами позднее, окончательно порвавший с государственной службой, «великий сатирик земли русской» М. Е. Салтыков-Щедрин.

Б. П. Козьмин совершенно справедливо отмечает, что «Отечественные записки» завоевали себе репутацию лучшего русского журнала своего времени, чему способствовало сотрудничество немалого количества «людей, причастных к революционному движению, во главе с эмигрантом П. Л. Лавровым». «Идейная близость, — продолжает тот же автор, — между „Отечественными записками“ и революционным движением 70-х годов несомненна. Революционеры находили на страницах этого журнала ответ на большинство волновавших их вопросов... Недаром впоследствии, уже через много лет после смерти Некрасова, „Отечественные записки“, подобно „Современнику“, были закрыты правительством, и эта карательная мера мотивировалась именно близостью этого журнала к революционному подполью».¹

Говоря об «Отечественных записках», следует отметить, что, идя и в этом случае путем «Современника», они продол-

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, Н. А. Некрасов, т. I, Изд. АН СССР. М., 1946, стр. XXXV.

жали служить объединяющим центром для писателей демократического направления. Достаточно сказать, что в них постоянно сотрудничали Г. И. Успенский, Ф. М. Решетников, Златовратский, Засодимский, Наумов, Нефедов и многие другие. Из писателей старшего поколения в «Отечественных записках» с исключительным постоянством сотрудничал А. Н. Островский.

Перегруженность журнальной работой, утомительные сношения с цензурным ведомством, очень скоро усвоившим и в отношении нового журнала Некрасова тот же репрессивный образ действий, какой практиковался им в отношении «Современника», не помешали Некрасову создать в годы редактирования «Отечественных записок» ряд выдающихся поэтических произведений. Сюда, прежде всего, следует отнести такие поэмы его, как «Дедушка» (1870), «Недавнее время» (1871), «Русские женщины» (1871—1872), «Современники» (1875) и большую часть грандиозной эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» («Последыш», «Крестьянка», «Пир на весь мир», 1872—1876). Работая над поэмами, Некрасов не ослаблял и чисто лирического творчества. Последний прижизненный сборник его стихов («Последние песни», 1877) был, в основе своей, сборником лирических стихотворений.

Журнальная деятельность Некрасова в 70-е годы развивалась и протекала в очень тревожной общественной обстановке: из года в год возрастало обнищание ограбленного реформой 1861 года крестьянства, из года в год усиливалось революционное движение, охватившее очень значительные круги демократической интеллигенции и уже начинавшее распространяться среди отдельных представителей рабочего класса.

Обратимся непосредственно к рассмотрению поэзии Некрасова этих лет и прежде всего рассмотрим его лирическое творчество первой половины 70-х годов, отложив рассмотрение сборника «Последние песни» до заключительных глав нашей работы.

Рассматривая лирические стихотворения Некрасова 70-х годов, прежде всего приходится отметить увеличение их количества в 1874 году. Это объясняется, думается, прежде всего тем, что в этом и предыдущем году благодаря массовому «хождению в народ» революционно настроенной молодежи тяга к лирическим откликам на происходящие события должна была быть особенно сильной. С другой стороны, не следует упускать из виду, что в трехлетие с 1870 по 1872 год Некрасов очень усердно работал над своими большими, преимущественно эпическими полотнами — поэмами «Дедушка», «Не-

давнее время», «Русские женщины» («Декабристки»), «Кому на Руси жить хорошо» (главы «Последыш», «Крестьянка»), а в 1874 году временно приостановил эту работу.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении лирики 70-х годов, — это ее теснейшая связь с политической ситуацией. Она полна мыслями о народе, о революции как единственном выходе из того тупика, в котором оказался народ после крестьянской реформы 1861 года.

Поэтические взгляды Некрасова в 70-е годы характеризует его «Элегия», которую он называл «самыми душевными и любимыми» стихами «из писанных в последнее время». В «Элегии» отчетливее, чем когда-либо, с чисто пушкинской прозрачной ясностью Некрасов определяет миссию поэта как миссию служения народу (в «Элегии» даже несколько раз употреблено слово «служить») и заявляет:

Толпе напоминать, что бедствует народ¹
 В то время, как она ликует и поет,
 К народу возбуждать вниманье¹ сильных мира —
 Чему достойнее служить¹ могла бы лира?..

Со справедливой гордостью озирая пройденный им путь, Некрасов приходит к следующему итогу:

Я лиру посвятил народу своему.
 Быть может, я умру неведомый ему,
 Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
 Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
 Но каждый в бой иди!¹

Таким образом уже не «рыцарем на час» изображает себя в этом стихотворении поэт, а воином, идущим на бой. Отсюда вывод, что прежние сомнения в своей силе, сознание неполноценности своего протеста теперь им в основном изжиты. На вопрос

Народ освобожден, но счастлив ли народ?..

поэт отказывается дать утвердительный ответ. Скорее наоборот, стихотворение дает материал для отрицательного ответа на него.

Вопросы

«... в последние года
 Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
 И рабству долготу пришедшая на смену

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

Свобода, наконец, внесла ли перемену
 В народные судьбы? в напевы сельских дев?
 Иль так же горестен нестройный их напев?..»

без сомнения, носят характер риторических вопросов и предусматривают отрицательные, а не положительные ответы.

К этому же убеждению с тем большим основанием приводит также относящееся к 70-м годам стихотворение «Как празднуют трусу?». В нем уже с не оставляющей никаких сомнений определенностью сказано:

Новое время — свободы, движенья,
 Земства, железных путей.
 Что ж я не вижу следов обновленья
 В бедной отчизне моей?

В жизни крестьянина, ныне свободного,
 Бедность, невежество, мрак...

А раз народ попрежнему несчастен, то другого пути, как «в бой итти», по мнению поэта, нет и не может быть.

Вслед за стихотворением «Элегия» в собраниях стихотворений Некрасова печатается стихотворение «Поэту», написанное в стиле возвышенно-патетическом, несколько необычном для Некрасова. Но его боевой, местами прямо-таки революционный пафос — вне всякого сомнения.

Вооружись небесными громами!

Казни корысть, убийство, святотатство!
 Сорви венцы с предательских голов...

вот с какими призывами обращается здесь Некрасов к поэту.

«Сорви *венцы* с предательских голов» — одна эта строчка представляет собой пример поразительной смелости певца революционной демократии, ибо «венцы» украшали головы монархов.

Народ и революция — вот к чему, повторяем, неотвязно прикована мысль Некрасова в 70-е годы. Мысль о положении народа навеивает на него иногда очень тяжелые настроения (см., например, стихотворение «Уныние»).

Но следует подчеркнуть, что за год до «Уныния» Некрасов написал стихотворение «Накануне светлого праздника», в котором овеянный мягкой ласкающей красотой сельский пейзаж («Я ехал к Ростову высоким холмом» и т. д.) сочетается с широким показом трудового народа. Чрезвычайно удались поэту по своему лаконизму и на редкость умелому подбору

наиболее характерных черт портреты представителей различных трудовых профессий — кузнецов, портных, красильщиков, в особенности пильщиков.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат.

Встречи с представителями различных трудовых профессий, портреты которых, без сомнения, выхвачены непосредственно из жизни, не оставляют равнодушным великого поэта-народолюбца, он реагирует на эти встречи словами, заставляющими почувствовать всю силу его любви к народу:

Я доброго всем им
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить святую
С веселой душой...

Но наибольшее впечатление на читателей производит концовка стихотворения, изображающая народный праздник:

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ...

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

Современный читатель, быть может, будет несколько разочарован, узнав, что в данном стихотворении речь идет с религиозным празднике. Но не в этом дело. Суть вопроса не в том, что праздник — религиозный, а в том, что он народный и изображен так, что это изображение пронизано оптимизмом, ярчайшим образом свидетельствуя и о любви поэта к народу и о вере в него. Стихотворение «Накануне светлого праздника» имеет подзаголовок: «Из стихотворений, посвященных русским детям». Это дает основание связать его с циклом «Стихотворения, посвященные русским детям», первая часть которого («Дядюшка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин») относится еще к 1867 году, а вторая («Дедушка Мазай и зайцы» и «Соловьи») — к 1870.

Лиризм Некрасова ощущается даже в тех случаях, когда в его стихотворениях нет непосредственных лирических излияний, лирических отступлений. И «Стихотворения, посвященные русским детям», полны лиризма. Через теплое любовное отношение к объектам своего рассказа автор проявляет свою любовь к народу, не воображаемому, а самому реальному, который так хорошо знал Некрасов, с представителями которого он не переставал общаться даже в немолодые годы во время своих постоянных охотничьих экскурсий.

Даже в деревенском торгаше «дядюшке Якове» Некрасов умеет подметить и подчеркнуть его хорошие стороны, «добрую душу» (сцена с «Феклушей сироткой» — «Коли бедна ты, так будь ты умна!»), хотя, как мы знаем, Некрасов далеко не идеализирует («Горе старого Наума») кулацких тенденций крестьянства. В стихотворении «Пчелы», как помнит читатель, изложение ведется от лица крестьянина-пчеловода и ведется так, что наравне с развитием сюжета дается характеристика рассказчика. Его ласковое обращение с сыном («Натко медку! с караваем покушай»), его участливое отношение к гибнущим пчелам («Тонут работницы, тонут сердечные») сразу же дают понять, что рассказчик добрый и хороший человек. В «Генерале Топтыгине», кроме занимательного рассказа, дана великолепная сатира на рыкающее и громящее «высокое начальство» и подхалимствующее мелкое. Но для ямщика у поэта находятся теплые, задушевные названия: Федя — «ямщикек обратный», «паренек».

Наибольший материал для характеристики отношения Некрасова к мужику бесспорно дает знаменитое стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы» — один из лучших образцов столь частых у Некрасова «записок охотника». Внутренний облик Мазая определяет его безграничная любовь к родине и род-

ной природе («Старый Мазай любит до страсти свой низменный край»), сливающаяся с любовью ко всякому живому существу, не исключая и тех зайчишек, на которых он охотится, но не весной и летом, а осенью и зимой. Не пустая фраза в его устах по адресу тонущих в половодье зайцев: «их жалко до слез». Любовь к «зайчишкам» у Мазая приобретает характер действенной любви: он десятками спасает их в половодье, рискуя при этом, что они опрокинут его лодку. Мало того, Мазай, отпустив спасенных им зайцев, оставляет у себя на дому две пары особенно сильно измокших и ослабевших, оставляет у себя для того, чтобы они за ночь «отогрелись, высохли, выпались, плотно наелись», а потом отпускает их на волю.

«Дедушка Мазай» — одно из тех стихотворений, которые помогают воспитывать гуманные чувства. Потому-то его так любят в школах. Его успех у читателей, в частности у юных читателей, зависит, разумеется, не только от проникающей его гуманности, но и от занимательности сюжета, которому некоторая необычность (спасение тонущих зайцев в лодке) не мешает быть строго реалистическим. Вообще «Мазай» — это одно из высших достижений некрасовского реализма: здесь соединяются жизненность образов и сцен с конкретностью и простотой языка.

Во всех рассмотренных стихотворениях данной группы мотив народных страданий не находит себе яркого отражения, но это не значит, что поэт не думает о страданиях народа. Последнее в цикле стихотворение — «Соловьи» — снова напоминает о них и напоминает с исключительной силой. В концовке стихотворения, отвечая на вопрос сына, нет ли «таких рощиц» на свете, где людям жилось бы так же привольно, как живет соловьям в особой, предназначенной для них роще («Избави бог тут ставить сети!»), крестьянка говорит:

«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

Цензура не преминула выразить свое неудовольствие и автором стихотворения, и журналом, его поместившим («Отечественные записки»): «Желательно было бы избежать сопоставления их (т. е. податей и военной службы, — В. Е.-М.)

с силками и сетями», и это не удивительно, ибо подати и военная служба принадлежали к основным устоям тогдашнего государственного строя и удар по ним, конечно, не мог не возбудить неудовольствия охранителей.

Таким образом, не замалчивая бедствий народа, подчеркивая их иной раз с исключительной силой (см. хотя бы элегию «Уныние»), Некрасов, как это явствует из анализа его лирических и лиро-эпических стихотворений первой половины 70-х годов, твердо стоял на той точке зрения, что и индивидуальные представители народа и народные массы в целом заслуживают любви и веры в их несломленные долгими веками рабства духовные силы. Поэт не сомневался в лучшем будущем народа. Не сомневался и говорил о нем постоянно с таким лирическим подъемом и одушевлением, с такою изумительною прозорливостью, что некоторые из созданных им в это время стихов получили характер пророчества. Сказанное в первую очередь относится к знаменитому шестнадцатистишию из стихотворения «Горе старого Наума», уже цитированному нами на первых страницах настоящей книги.

Многое множество раз цитировались, цитируются и будут цитироваться эти великолепные стихи в нашей стране. Предвидение великого поэта осуществилось в наше время в величественных стройках коммунизма.

Цитированные строки содержатся в стихотворении, в котором художественно, тонко, без всякой утрировки и резкости изображается торжествующий рыцарь первоначального накопления, сравниваемый поэтом с «пауком трудолюбивым». Его социальное лицо совершенно ясно:

Окрута вся в горсти моей,
Казна — надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепки.

Но успехи в «делах» не спасают Наума от тяжелого нравственного кризиса, от ощущения полной опустошенности, ненужности всех его богатств. Он создал себе такую жизнь, при которой даже простые человеческие радости и были и остаются ему недоступными. Здесь еще нет развенчания капиталиста как такового, тем паче нет развенчания капиталистического строя вообще, но все же проглядывает такое отношение к ним, которое с исключительной силой сказалось в следующем,¹ 1875 году, в поэме «Современники».

¹ «Горе старого Наума» относится к 1874 году.

Эти соображения понадобились нам для того, чтобы показать, что когда Некрасов, проявляя такой глубокий патриотизм, приурочивая действие стихотворения к берегам самой русской из русских рек, к тому же реки, безгранично им любимой, говорил о прогрессе родного народа, он не думал, не мог думать о капиталистическом прогрессе. Идеалу Некрасова, бесспорно, были присущи черты социалистического идеала, хотя поэт и не мог до конца преодолеть элементы утопизма. Важно отметить то, что путь к этому идеалу лежал, по его глубокому убеждению, через революцию.

В третьей части лиро-эпического, к сожалению, не пользующегося достаточным вниманием исследователей стихотворения «Ночлеги» между крестьянином Трофимом и автором (лирическим героем), после горестных воспоминаний Трофима о крепостном праве («Как томили! Как пороли!»), происходит любопытнейший разговор о том, чего же народу ждать для себя в будущем. Автор в духе просветителей убеждает Трофима:

... Учите-ка детей!
 Не беда, что люди голы,
 Лишь бы стали поумней.
 Перестанет есть солому,
 Трусу праздновать народ...
 И твой внук отцу родному
 Не поверит в свой черед.

Но просветительство для Некрасова не самоцель. Он понимает, что «ученье» (поэт имеет в виду ученье в школах) не решает вопроса о народном счастье. Вопрос решится только тогда, когда мера народного терпения переполнится, народ поймет свое положение и перейдет к решительной борьбе против своих угнетателей, т. е., выражаясь словами поэта, перестанет «трусом праздновать».

Среди революционно настроенных поэтов XIX века нет ни одного, который с большим, чем Некрасов, упорством восставал против пресловутого, столь возвеличенного славянофилами и славянофильствующими «терпения» русского народа.

Видя именно в «терпении» одно из основных препятствий к истинному прогрессу, Некрасов не устает его бичевать. Примеров, при желании, можно было бы привести множество. Из них наиболее показательные относятся еще к 60-м годам. Взять хотя бы не лишенный гневного возмущения вопрос к бурлаку, «усталое лицо» которого говорит «о покорности без конца»:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

(«На Волге», 1860).

Или прямое заявление о том, что «нищета» и «терпенье безмерное» крестьян «только досаду родит» («Литература с трескучими фразами», 1862). Характерно, что если стихотворение «На Волге» было написано до крестьянской реформы, то стихотворение «Литература с трескучими фразами» — после нее. Лишнее доказательство, что пресловутое «освобождение» не поколебало убеждения Некрасова в том, что, лишь преодолев «терпенье безмерное», т. е. вступив на путь революционной борьбы, народ проложит себе путь к подлинному социальному и политическому раскрепощению.

Не только в «Ночлегах» Некрасов говорит о необходимости перестать «трусю праздновать». Несколько позже (в апреле 1876 года) он пишет особое стихотворение «Как празднуют трусу» (оно уже упоминалось нами), в котором обвиняет уже не народ, а интеллигенцию в трусости, проявляющейся в том, что она везде и повсюду видит шпионов. В стихотворении, как помнит читатель, рассказывается о том, как автор, обуреваемый горькими мыслями о тяжелом положении народа («В жизни крестьянина, ныне свободного, бедность, невежество, мрак»), пытается ответить на занимавший в те годы всех и каждого вопрос, «Где же ты, тайна довольства народного?», замечает сидящего на телеграфной нити и как бы подслушивающего ворона:

«... Не донос ли депешю
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

Конечно, эта концовка шуточная, но все содержание данного стихотворения, проникнутого злой иронией, далеко не шугочное. Народ и после «освобождения» находится в крайне бедственном положении, а значительная часть интеллигенции,¹ вместо того, чтобы бороться, «празднует трусу».

В последнее время нередко говорится о том, что Некрасов в 60-е и 70-е годы был настроен революционно. Автору на-

¹ Значительная часть, но далеко не вся, ибо именно 70-е годы дали многочисленные примеры того, в каком количестве и с каким самоотвержением революционная молодежь вела борьбу с правительством.

стоящих строк кажется, что об этом следует говорить еще чаще, еще сильнее, еще убедительнее.

Вот основная причина, почему, говоря о лирике Некрасова 70-х годов, мы считаем необходимым подчеркнуть ее явно и ярко революционные тенденции. На пороге 70-х годов (в 1868 году) Некрасов создал два стихотворения, в которых его революционно-демократическое credo нашло чрезвычайно яркое выражение. Это — стихотворения «Мать» («Она была исполнена печали») и «Душно! без счастья и воли». Их содержание в целом не нуждается в особых комментариях. Сказать яснее, что

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка. . .

(разумея под терновым венком тот венок, который был уготован активным участникам революционного движения), чем в первом из них, — невозможно. Точно также невозможно более определенно отразить страстную жажду революционного взрыва, чем это сделано во втором («Буря бы грянула, что ли?»).

Однако в каждом из них есть пункты, нуждающиеся в пояснении. В стихотворении «Мать», о котором Г. В. Плеханов, подчеркивая его популярность, сказал: «Такие отрывки нисколько не утратили своего значения до настоящего времени и не утратят его до тех пор, пока передовое человечество останется вынужденным силой пролагать себе дорогу к своему идеалу»,¹ — таким пунктом является пункт об его адресате. Некрасов сам разрешил этот вопрос, написав на полях стихотворения: «Думаю — понятно: жена сосланного или казненного». Такое толкование, по существу своему, совершенно правильно, тем более, что позволяет рассматривать лица и события, изображенные в данном стихотворении, как имеющие типическое значение. Тем не менее, есть основание говорить о том, что Некрасов мог в какой-то мере думать о конкретных лицах, создавая стихотворение «Мать». Это — Чернышевский и его семья, которая состояла из матери и троих сыновей. Предполагать, что указание на «трех отроков» является в стихотворении чисто случайным (Некрасов, конечно, прекрасно знал, что у Чернышевского и его жены было, действительно, три сына), едва ли возможно. Внимание Некрасова к Чернышевскому и его семье нельзя, разумеется, рассматри-

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. X, 1925, стр. 385.

вать в плане чисто личных отношений. Чернышевский и в 60-е и в 70-е годы являлся для Некрасова образцом высокой гражданской доблести, воплощением революционного подвига. Уже близилось время, когда поэт создал свое, ставшее в наши дни всенародно известным, стихотворение «Чернышевский».

Вернемся, однако, к стихотворению «Душно! без счастья и воли». Имеются два варианта его: в одном призыв к буре заканчивается словами:

Чашу вселенского¹ горя
Всю расплеши! . .

Во втором словами:

Чашу народного¹ горя
Всю расплеши! . .

Едва ли правильно противопоставлять один вариант другому. Расплескать «чашу вселенского горя» может только мировая революция. Расплескать «чашу народного горя» — эта задача, как были убеждены революционные демократы, может быть с успехом разрешена русской крестьянской революцией. Некрасов, подобно Чернышевскому, Добролюбову и многим их единомышленникам, верил в крестьянскую революцию, хотя держался на счет ее наступления несравненно более скептических мыслей, чем автор романа «Что делать?».

Однако, это не мешало Некрасову с пристальным вниманием следить за развитием освободительного движения в других странах. Эти думы с особой силой овладели душой поэта именно в 70-х годах под впечатлением Парижской Коммуны. В настоящее время можно считать более или менее доказанным, что стихотворение Некрасова «Страшный год» и «Смолкли честные, доблестно павшие», написанные, повидимому, в 1872 году, потрясающими красками изображают именно падение Коммуны и гибель коммунаров. Сочувствие Некрасова в обоих этих стихотворениях полностью на стороне коммунаров.

Из того, что было до сих пор сказано о лирике первой половины 70-х годов, явствует, что она буквально пронизана гражданскими настроениями. А так как в то же время она очень высоко стоит по своему художественному уровню, то ее нельзя не отнести к крупнейшим достижениям «музы мести и печали».

Среди лирических стихотворений рассматриваемого периода сравнительно редки интимно-лирические, но все же они

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

есть, причем и на них лежит яркая печать зрелого мастерства поэта. Об этом как нельзя ярче свидетельствует знаменитое стихотворение «Три элегии» с подзаголовком «А. Н. Плещееву».

В этом стихотворении, если его рассматривать как автобиографическое, не все ясно, но во всяком случае следует отметить, что в первой из трех элегий нашла себе выражение «ревнивая печаль» поэта от сознания происшедшего разрыва с любимой женщиной; во второй поэт, охваченный «дуновеньем страсти знойной», предается воспоминаниям о той «стране обетованной», где его и его подругу «венчала любовь»; в третьей — с исключительными силой и выразительностью отражены настроения старика, для которого уже «все кончено», но в душе которого продолжает жить «мечта любви, не знающей конца». В третьей элегии, думается, психологический ключ ко всему стихотворению. Оглянуться на прошлое, на любовь, когда-то владевшую его душой, воспоминания о которой и теперь еще способны потрясать его «как гроза», так естественно для человека, убежденного, что для него не только «все кончено», но и самая смерть уже «недалека». Пушкин в своих знаменитых элегиях «Для берегов отчизны дальней» и «Закливание» также оглядывался на прошлое, вспоминал любимую в прошлом женщину, но не перед лицом надвигающейся смерти, а перед лицом совершенно нового периода в своей жизни, началом которого являлась женитьба.

Рассмотренные стихотворения Некрасова и по своей психологической глубине и по художественности формы не уступают пушкинским.

И пушкинские и некрасовские элегии овеяны такой свежестью чувства, такой тонкостью и красотой душевных переживаний, что, несмотря на наличие в их содержании пессимистических нот, не производят мрачного впечатления.

